

(...)

В самом деле, что такое для нас петровская¹ реформа, и не в будущем только, а даже и в том, что уже было, произошло, что уже явилось воочию²? Что означала для нас эта реформа? Ведь не была же она только для нас усвоением³ европейских костюмов, обычаев, изобретений⁴ и европейской науки. Вникнем⁵, как дело было, поглядим пристальнее⁶. Да, очень может быть, что Петр первоначально только в этом смысле и начал производить ее, то есть в смысле ближайше утилитарном⁷, но впоследствии⁸, в дальнейшем развитии им своей идеи, Петр несомненно повиновался⁹ некоторому затаенному¹⁰ чутью¹¹, которое влекло его, в его деле, к целям будущим, несомненно огромнейшим, чем один только ближайший утилитаризм. Так точно и русский народ не из одного только утилитаризма принял реформу, а несомненно уже ощутив¹² своим предчувствием¹³ почти тотчас же некоторую дальнейшую, несравненно более высшую цель, чем ближайший утилитаризм, - ощутив эту цель, опять-таки, конечно, повторяю это, бессознательно, но, однако же, и непосредственно¹⁴ и вполне жизненно. Ведь мы разом устремились¹⁵ тогда к самому жизненному воссоединению¹⁶, к единению всечеловеческому¹⁷! Мы не враждебно (как, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, с полной любовью приняли в душу нашу гении¹⁸ чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных¹⁹ племенных²⁰ различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать²¹, снимать противоречия²²,

---

¹ Peters (den store)

² for/med våre egne øyne

³ tilegnelse

⁴ oppfinnelser

⁵ når vi trenger inn i det, ser nærmere etter

⁶ mer oppmerksomt

⁷ ulitiaristisk

⁸ senere

⁹ underkastet seg

¹⁰ hemmelighetsfull, skjult

¹¹ (lukte)sans, følelse

¹² føle, ane

¹³ forutfølelse

¹⁴ umiddelbart

¹⁵ strebe mot

¹⁶ gjenforening

¹⁷ allmenneskelig

¹⁸ genius, ånd

¹⁹ fortrinn-

²⁰ stamme-

²¹ skjelne

²² motsigelser

извинять и примирять²³ различия, и тем уже выказали готовность и наклонность²⁴ нашу, нам самим только что объявившуюся²⁵ и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского²⁶ рода. Да, назначение²⁷ русского человека есть бесспорно²⁸ всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните²⁹) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. О, все это славянофильство³⁰ и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение³¹, хотя исторически и необходимое. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел³² и есть всемирность, и не мечом³³ приобретенная³⁴, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей. Если захотите вникнуть в нашу историю после петровской реформы, вы найдете уже следы и указания³⁵ этой мысли, этого мечтания³⁶ моего, если хотите, в характере общения нашего с европейскими племенами, даже в государственной политике нашей. Ибо, что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой? Не думаю, чтоб от неумения³⁷ лишь наших политиков это происходило. О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие³⁸ русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно³⁹, указать исход⁴⁰ европейской тоске⁴¹ в своей русской душе, всечеловечной и воссоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь⁴² окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову

---

²³ forsonne

²⁴ tilbøyelighet

²⁵ som er blitt erklært

²⁶ arisk

²⁷ bestemmelse

²⁸ utvilsomt

²⁹ understreke

³⁰ slavofili

³¹ misforståelse

³² lodd

³³ med sverd

³⁴ anskaffet

³⁵ anvisninger

³⁶ drømmerier

³⁷ manglende evne

³⁸ kommende

³⁹ endelig, avgjørende

⁴⁰ utvei

⁴¹ lengsel

⁴² uttale, utsi

евангельскому закону! Знаю, слишком знаю, что слова мои могут показаться восторженными⁴³, преувеличенными⁴⁴ и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь⁴⁵, что их высказал. Этому надлежало⁴⁶ быть высказанным, но особенно теперь, в минуту торжества⁴⁷ нашего, в минуту чествования⁴⁸ нашего великого гения, эту именно идею в художественной силе своей воплощавшего⁴⁹. Да и высказывалась уже эта мысль не раз, я ничуть не новое говорю. Главное, все это покажется самонадеянным⁵⁰: Это нам-то, дескать⁵¹, нашей-то нищей, нашей-то грубой земле такой удел? Это нам-то предназначено в человечестве высказать новое слово? Что же, разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, из всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых⁵² людях, в художественном гении Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю в рабском виде исходил благословляя⁵³ Христос. Почему же нам не вместить⁵⁴ последнего слова его? Да и сам он не в яслях⁵⁵ ли родился? Повторяю: по крайней мере, мы уже можем указать на Пушкина, на всемирность и всечеловечность его гения. Ведь мог же он вместить чужие гении в душе своей, как родные. В искусстве, по крайней мере, в художественном творчестве⁵⁶, он проявил⁵⁷ эту всемирность стремления русского духа неоспоримо, а в этом уже великое указание. Если наша мысль есть фантазия, то с Пушкиным есть, по крайней мере, на чем этой фантазии основаться⁵⁸. Если бы жил он дольше, может быть, явил бы бессмертные⁵⁹ и великие образы души русской, уже понятные нашим европейским братьям, привлек⁶⁰ бы их к нам гораздо более и ближе, чем теперь, может быть, успел бы им разъяснить⁶¹ всю правду стремлений наших, и они уже более понимали бы нас, чем теперь, стали бы нас предугадывать⁶²,

---

⁴³ overspente

⁴⁴ overdrevne

⁴⁵ angre

⁴⁶ det måtte sies

⁴⁷ triumf

⁴⁸ feiring

⁴⁹ inkarnert

⁵⁰ selvsikker

⁵¹ sier man

⁵² begavede

⁵³ velsigne (dette er et indirekte sitat av Tjutsjevs dikt, ”эти бедные селения»

⁵⁴ romme

⁵⁵ krybbe

⁵⁶ skaperkraft

⁵⁷ oppviste

⁵⁸ grunnlegge, bygge på

⁵⁹ udødelige

⁶⁰ tiltrekke

⁶¹ forklare

⁶² gjette, ane

перестали⁶³ бы на нас смотреть столь недоверчиво⁶⁴ и высокомерно, как теперь еще смотрят. Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем.

Ф. М. Достоевский
ДНЕВНИК⁶⁵ ПИСАТЕЛЯ

Ежемесячное⁶⁶ издание 1876

ФЕВРАЛЬ

II. О ЛЮБВИ К НАРОДУ. НЕОБХОДИМЫЙ КОНТРАКТ С НАРОДОМ

Я вот, например, написал в январском номере "Дневника", что народ наш груб и невежествен⁶⁷, предан⁶⁸ мраку⁶⁹ и разврату⁷⁰, "варвар, ждущий света". А между тем я только что прочел в "Братской помочи" (сборник, изданный Славянским комитетом в пользу дерущихся⁷¹ за свою свободу славян), — в статье незабвенного⁷² и дорогого всем русским покойного⁷³ Константина Аксакова, что русский народ — давно уже просвещен⁷⁴ и "образован". Что же? Смутился⁷⁵ ли я от такого, по-видимому, разногласия моего с мнением Константина Аксакова? Нисколько, я вполне разделяю⁷⁶ это же самое мнение, горячо и давно ему сочувствую⁷⁷. Как же я соглашаю⁷⁸ такое противоречие? Но в том и дело, что, по-

---

⁶³ slutte

⁶⁴ ikke godtroende

⁶⁵ Dagbok

⁶⁶ månedlig

⁶⁷ vankunnig

⁶⁸ overgitt, overlatt

⁶⁹ mørke

⁷⁰ utsvevelse

⁷¹ som slåss for

⁷² uforglemmelig

⁷³ avdøde

⁷⁴ opplyst

⁷⁵ bli forvirret,

⁷⁶ dele

⁷⁷ sympatisere med

⁷⁸ forsone, forene

моему, это очень легко согласить, а по другим, к удивлению⁷⁹ моему, до сих пор эти обе темы несогласимы⁸⁰. В русском человеке из простонародья⁸¹ нужно уметь отвлекать красоту его от наносного⁸² варварства. Обстоятельствами⁸³ всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим⁸⁴, что еще удивительно, как он дожил, сохранив⁸⁵ человеческий образ, а не то что сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа. Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям⁸⁶ народа, тот поймет и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи бриллианты. Повторяю: судите русский народ не по тем мерзостям⁸⁷, которые он так часто делает, а по тем великим и святым⁸⁸ вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздыхает⁸⁹. А ведь не все же и в народе — мерзавцы⁹⁰, есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем нам путь освещают⁹¹! Я как-то слепо убежден, что нет такого подлеца⁹² и мерзавца в русском народе, который бы не знал, что он подл и мерзок, тогда как у других бывает так, что делает мерзость, да еще сам себя за нее похваливает⁹³, в принцип свою мерзость возводит, утверждает⁹⁴, что в ней-то и заключается l'Ordre и свет цивилизации, и несчастный⁹⁵ кончает тем, что верит тому искренно, слепо и даже честно. Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись⁹⁶ с душой его искони⁹⁷ и наградили⁹⁸ ее навеки⁹⁹ простодушием¹⁰⁰ и честностью¹⁰¹,

---

⁷⁹ forbauselse

⁸⁰ uforenlige

⁸¹ det enkle folk, folkedypet

⁸² avleiret

⁸³ som en følge av omstendighetene

⁸⁴ pint

⁸⁵ beholdt, tatt vare på

⁸⁶ lidelsene

⁸⁷ nedrigheter

⁸⁸ hellige

⁸⁹ sukke

⁹⁰ skurk

⁹¹ lyse opp

⁹² skurk

⁹³ lovprise

⁹⁴ hevde, bekrefte

⁹⁵ ulykkelig

⁹⁶ vokse sammen med

⁹⁷ fra gammelt av

⁹⁸ belønne

⁹⁹ for århundrer

¹⁰⁰ enkelt sinn

¹⁰¹ ærlighet

искренности¹⁰² и широким всеоткрытым умом, и всё это в самом привлекательном¹⁰³ гармоническом соединении. А если притом и так много грязи, то русский человек и тоскует¹⁰⁴ от нее всего более сам, и верит, что всё это — лишь наносное и временное¹⁰⁵, наваждение¹⁰⁶ диавольское, что кончится тьма и что непременно воссияет¹⁰⁷ когда-нибудь вечный свет. Я не буду вспоминать про его исторические идеалы, про его Сергиев¹⁰⁸, Феодосиев Печерских¹⁰⁹ и даже про Тихона Задонского¹¹⁰. А кстати: многие ли знают про Тихона Задонского? Зачем это так совсем не знать и совсем дать себе слово не читать? Некогда, что ли? Поверьте, господа, что вы, к удивлению¹¹¹ вашему, узнали бы прекрасные вещи. Но обращусь лучше к нашей литературе: всё, что есть в ней истинно прекрасного, то всё взято из народа, начиная с смиренного, простодушного типа Белкина¹¹², созданного Пушкиным. У нас всё ведь от Пушкина. Поворот¹¹³ его к народу в столь раннюю пору его деятельности до того был беспрецидентен¹¹⁴ и удивителен, представлял для того времени до того неожиданное новое слово, что объяснить его можно лишь если не чудом, то необычайной¹¹⁵ величиной гения, которого мы, прибавлю¹¹⁶ к слову, до сих пор еще оценить¹¹⁷ не в силах. Не буду упоминать¹¹⁸ о чисто народных типах, появившихся в наше время, но вспомните Обломова¹¹⁹, вспомните "Дворянское гнездо"¹²⁰ Тургенева. Тут, конечно, не народ, но всё, что в этих типах Гончарова и Тургенева вековечного¹²¹ и прекрасного, — всё это от того, что они в них соприкоснулись¹²² с народом; это соприкосновение с народом придало им необычайные силы. Они заимствовали¹²³ у него его простодушие¹²⁴,

---

¹⁰² oppriktighet

¹⁰³ tiltrekkende

¹⁰⁴ lengter

¹⁰⁵ midlertidig

¹⁰⁶ uklart (det var som utgjort)

¹⁰⁷ opplyser

¹⁰⁸ Sergij Radonezjskij, russisk helgen, 1300 tallet

¹⁰⁹ Teodosius, fra Huleklosteret i Kiev, oldslavisk helgen, 1000-tallet

¹¹⁰ russisk helgen, 1700-tallet

¹¹¹ forbauselse

¹¹² person fra en fortelling av Pusjkin

¹¹³ det å vende seg mot

¹¹⁴ uten presedens

¹¹⁵ uvanlig

¹¹⁶ legge til

¹¹⁷ verdsette

¹¹⁸ nevne

¹¹⁹ romanfigur hos Gontsjarov

¹²⁰ Дворянское гнездо = et adelsrede

¹²¹ århundre-

¹²² berøre, røre ved

¹²³ låne, overta fra,

¹²⁴ enkelhet, enkel sjel, likefremhet

чистоту, кротость¹²⁵, широкость ума и незлобие¹²⁶, в противоположность всему изломанному¹²⁷, фальшивому, наносному и рабски заимствованному. Не дивитесь¹²⁸, что я заговорил вдруг об русской литературе. Но за литературой нашей именно та заслуга,¹²⁹ что она, почти вся целиком, в лучших представителях своих и прежде всей нашей интеллигенции, заметьте¹³⁰ себе это, преклонилась¹³¹ перед правдой народной, признала идеалы народные за действительно прекрасные. Впрочем, она принуждена была взять их себе в образец¹³² отчасти даже невольно¹³³. Право, тут, кажется, действовало скорее художественное чутье¹³⁴, чем добрая воля. Но об литературе пока довольно, да и заговорил я об ней по поводу лишь народа.

Вопрос о народе и о взгляде на него, о понимании его теперь у нас самый важный вопрос, в котором заключается всё наше будущее, даже, так сказать, самый практический вопрос наш теперь. И однако же, народ для нас всех — всё еще теория и продолжает стоять загадкой¹³⁵. Все мы, любители¹³⁶ народа, смотрим на него как на теорию, и, кажется, ровно никто из нас не любит его таким, каким он есть в самом деле, а лишь таким, каким мы его каждый себе представили¹³⁷. И даже так, что если б народ русский оказался впоследствии не таким, каким мы каждый его представили, то, кажется, все мы, несмотря на всю любовь нашу к нему, тотчас бы отступились¹³⁸ от него без всякого сожаления. Я говорю про всех, не исключая и славянофилов; те-то даже, может быть, пуще всех. Что до меня, то я не потаю¹³⁹ моих убеждений¹⁴⁰, именно чтобы определить¹⁴¹ яснее дальнейшее направление,¹⁴² в котором пойдет мой "Дневник", во избежание недоумений¹⁴³, так что всякий уже будет знать заранее: стоит ли мне протягивать¹⁴⁴ литературную руку или нет? Я думаю так: вряд ли мы столь хороши и прекрасны, чтоб могли поставить самих

---

¹²⁵ saktmodighet, stillferdighet

¹²⁶ fravær av sinne

¹²⁷ brutt, forkrøplet

¹²⁸ undres

¹²⁹ fortjeneste

¹³⁰ legg merke til

¹³¹ bøye seg for

¹³² forbilde

¹³³ uten å ville det

¹³⁴ luktesans, det å være noe

¹³⁵ gåte

¹³⁶ fans, beundrere, som liker

¹³⁷ forestille oss

¹³⁸ vike fra, til side for

¹³⁹ skjule

¹⁴⁰ overbevisninger

¹⁴¹ bestemme, definere

¹⁴² retning, tendens

¹⁴³ forvirring, villrede

¹⁴⁴ strekke ut, rekke frem

себя в идеал народу и потребовать¹⁴⁵ от него, чтоб он стал непременно¹⁴⁶ таким же, как мы. Не дивитесь вопросу, поставленному таким нелепым¹⁴⁷ углом¹⁴⁸. Но вопрос этот у нас никогда иначе и не ставился: "Что лучше — мы или народ? Народу ли за нами или нам за народом?" — вот что теперь все говорят, из тех, кто хоть капельку¹⁴⁹ не лишен мысли в голове и заботы по общему делу в сердце. А потому и я отвечу искренно¹⁵⁰: напротив, это мы должны преклониться перед народом и ждать от него всего, и мысли и образа; преклониться пред правдой народной и признать¹⁵¹ ее за правду, даже и в том ужасном¹⁵² случае, если она вышла¹⁵³ бы отчасти и из Четьи-Минеи¹⁵⁴. Одним словом, мы должны склониться, как блудные¹⁵⁵ дети, двести лет не бывшие дома, но воротившиеся¹⁵⁶, однако же, все-таки русскими, в чем, впрочем, великая наша заслуга. Но, с другой стороны, преклониться мы должны под одним лишь условием,¹⁵⁷ и это sine qua non¹⁵⁸: чтоб народ и от нас принял многое из того, что мы принесли с собой. Не можем же мы совсем перед ним уничтожиться¹⁵⁹, и даже перед какой бы то ни было его правдой; наше пусть остается при нас, и мы не отдадим¹⁶⁰ его ни за что на свете, даже, в крайнем случае, и за счастье соединения с народом. В противном случае пусть уж мы оба погибаем¹⁶¹ врознь¹⁶². Да противного¹⁶³ случая и не будет вовсе; я же совершенно¹⁶⁴ убежден, что это нечто, что мы принесли с собой, существует¹⁶⁵ действительно¹⁶⁶, — не мираж¹⁶⁷, а имеет и образ и форму, и вес. Тем не менее, опять повторяю, многое впереди загадка и до того, что даже страшно и ждать. Предсказывают¹⁶⁸, например, что цивилизация испортит¹⁶⁹ народ: это будто бы

---

¹⁴⁵ kreve

¹⁴⁶ nettopp

¹⁴⁷ absurd

¹⁴⁸ her: synsvinkel

¹⁴⁹ dråpe

¹⁵⁰ oppriktig

¹⁵¹ erkjenne

¹⁵² forferdelige

¹⁵³ utgår fra

¹⁵⁴ Helgenkalendren

¹⁵⁵ her: bortkomne

¹⁵⁶ som er vendt tilbake

¹⁵⁷ betingelse

¹⁵⁸ ufravikelig betingelse

¹⁵⁹ tilintetgjøres, utslette oss selv

¹⁶⁰ gi fra oss

¹⁶¹ gå til grunne

¹⁶² hver for oss, adskilt fra hverandre

¹⁶³ motsatt

¹⁶⁴ fullstendig

¹⁶⁵ eksisterer

¹⁶⁶ virkelig

¹⁶⁷ luftspeiling

¹⁶⁸ man forutsier at

такой ход дела, при котором, рядом с спасением и светом, вторгается¹⁷⁰ столько ложного¹⁷¹ и фальшивого,¹⁷² столько тревоги¹⁷³ и сквернейших¹⁷⁴ привычек¹⁷⁵, что разве лишь в поколениях¹⁷⁶ впереди, опять-таки, пожалуй, через двести лет, возрастут¹⁷⁷ добрые семена¹⁷⁸, а детей наших и нас, может быть, ожидает что-нибудь ужасное. Так ли это по-вашему, господа? Назначено¹⁷⁹ ли нашему народу непременно пройти еще новый фазис¹⁸⁰ разврата и лжи, как прошли и мы его с прививкой¹⁸¹ цивилизации? (Я думаю, никто ведь не заспорит¹⁸², что мы начали нашу цивилизацию прямо с разврата?) Я бы желал услышать на этот счет что-нибудь утешительнее¹⁸³. Я очень склонен уверовать¹⁸⁴, что наш народ такая огромность¹⁸⁵, что в ней уничтожатся, сами собой, все новые мутные¹⁸⁶ потоки¹⁸⁷, если только они откуда-нибудь выскочат¹⁸⁸ и потекут¹⁸⁹. Вот на это давайте руку; давайте способствовать¹⁹⁰ вместе, каждый "микроскопическим" своим действием, чтоб дело обошлось прямее¹⁹¹ и безошибочнее¹⁹². Правда, мы сами-то не умеем тут ничего, а только "любим отечество", в средствах¹⁹³ не согласимся и еще много раз поспоримся¹⁹⁴; но ведь если уж решено, что мы люди хорошие, то что бы там ни вышло, а ведь дело-то, под конец, наладится¹⁹⁵. Вот моя вера. Повторяю: тут двухсотлетняя отвычка¹⁹⁶ от всякого дела и более ничего. Вот через эту-то отвычку

-
- 169 forderver
170 trenge inn i, invadere
171 løgnaktig
172 falskt
173 bekymring, alarm
174 ekkel, vemmelig
175 vaner
176 generasjoner
177 vokse opp
178 frø
179 (forut)bestemt
180 fase
181 vaksinasjon
182 begynner å krangle
183 mer trøstende
184 tro
185 storhet, størrelse
186 grumsete
187 strømmer, bekker
188 springer frem
189 strømmer
190 fremme, legge til rette for
191 mer rett frem
192 mer feilfritt
193 midlene
194 være uenig, krangle
195 glattes ut, harmonisere
196 det å ha vendt seg fra eller av med

мы и покончили наш "культурный период" тем, что повсеместно перестали¹⁹⁷ понимать друг друга. Конечно, я говорю лишь о серьезных и искренних людях, — это они только не понимают друг друга; а спекулянты дело другое: те друг друга всегда понимали...

---

¹⁹⁷ slutte, opphøre